ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81.367

Н.Н. Будникова

ОСНОВАНИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СИНТАКСИСЕ

Представлены основания выделения дезинтеграционных процессов: абзаца, парцелляции, вставки, синтаксической импликации. Впервые разработаны основания, которые позволяют отнести синтаксический процесс к дезинтеграционному процессу. В качестве оснований отнесения процесса к дезинтеграционному выделены: нарушение структурно-семантического единства между компонентами синтаксического процесса, отсутствие формальных показателей связи между компонентами синтаксического процесса, использование шрифтовых маркеров.

Ключевые слова: синтаксический процесс; дезинтеграционный синтаксический процесс; основания выделения дезинтеграционных синтаксических процессов; компоненты синтаксического процесса; взаимодействие компонентов синтаксического процесса.

В настоящее время синтаксические процессы современного русского языка активно изучаются лингвистами (Г.Н. Акимова, А.А. Вердеш, Е.А. Иванчикова, Н.А. Кожевникова, Л.П. Крысин, О.В. Марьяина, В.А. Мишланов, Л.Н. Мурзин, Е.А. Покровская, А.А. Чувакин и др.). Исследователи распределяют их на две группы – интеграционные и дезинтеграционные процессы, которые характеризуются противоположным влиянием на текст: одни – способствуют объединению компонентов процесса или самих процессов друг с другом в тексте (интеграционные процессы), другие – разъединению компонентов процесса или самих процессов (дезинтеграционные процессы). Неоднозначность в понимании процессов, в их отнесении к одной из двух существующих групп, в назывании самих групп (слияние – интеграция, расчленение – дезинтеграция) позволяет говорить об актуальности проблемы, связанной с интеграционными и дезинтеграционными синтаксическими процессами. Сложившееся в синтаксисе текста положение не всегда позволяет понять принцип отнесения синтаксического процесса к одной из двух групп.

Синтаксические процессы, влияющие на расчленение текста, описываются в трудах А.А. Вердеш, З.Я. Омаевой, Е.А. Покровской, Г.Е. Щербань, О.М. Юрченко и др. Отметим, что исследователи по-разному определяют объем дезинтеграционных процессов. Так, С.А. Шулькис [1. С. 95] говорит об аструктурированных предложениях, Е.В. Харитоновна [2. С. 123] – о сегментированных, присоединительных и парцеллированных конструкциях, Е.А. Покровская к расчлененным конструкциям относит неграмматическое обособление второстепенных членов, вставные конструкции, парцелляцию, неполное предложение и неполную конструкцию с прямой речью, сегментацию [3. С. 279]. Мы предполагаем, что назрела необходимость в разработке оснований, которые бы позволили отнести тот или иной синтаксический процесс к интеграционному или дезинтеграционному процессу.

Вслед за О.В. Марьиной под *дезинтеграционным синтаксическим процессом* понимаем процесс разъединения компонентов синтаксического процесса или самих синтаксических процессов [4. С. 87]. В нашей работе мы остановимся на описанных исследователем

дезинтеграционных процессах: абзацном членении, вставке, парцелляции, синтаксической импликации, потому что они разнообразны по степени наполнения компонентов и способам их взаимодействия в составе процесса, и рассмотрим их в контексте оснований дезинтеграции.

Проведенная работа позволит определить, являются ли предложенные нами основания выделения процесса универсальными. Актуальность исследования состоит в том, что в нем впервые рассматриваются основания, которые в отдельности друг от друга или во взаимодействии друг с другом указывают на процессы, в которых наблюдается разъединение компонентов, их составляющих.

Основания дезинтеграционных синтаксических процессов:

1. Нарушение структурно-семантического единства между компонентами синтаксического процесса. Реализация в текстовом фрагменте смысловых и структурных возможностей языка происходит в результате отбора и комбинирования языковых средств согласно авторскому замыслу.

Под нарушением структурного единства понимаем разрушение связности линейных последовательностей, последовательностей языковых единиц, несоотнесенность грамматических форм, где на синтагматической оси находятся элементы, «отклоняющиеся от системного, парадигматического» варианта [5. С. 97].

На структурном уровне нарушение единства проявляется в отступлении от линейного развернутого повествования, синтагматическая связь компонентов не прослеживается, отсутствует координация времени во вставном и включающем компонентах, наблюдается разный тип повествования, изменяется логика композиционного построения, когда текстовый фрагмент предстает неоднородным, компактным [6]. При отсутствии структурного единства вставной компонент не может быть включен в состав предложения без изменения своей структуры.

Грамматическим средством координации времени являются видовременные формы глаголов. Нарушение в последовательности повествования, обнаруживаемое при использовании в предложении, сложном синтаксическом целом глаголов-сказуемых разных

видов и времен, ведет к нарушению единства между компонентами процесса и является прямым указанием на расчлененность текста.

Смена типа повествования между компонентами синтаксического процесса также становится показателем расчлененности, поскольку комбинации «повествователь → рассказчик» / «рассказчик → повествователь» меняют пространственно-временную парадигму текстового фрагмента, «что приводит к преодолению линейности текста» [7].

Разрушение композиционного единства есть нарушение структурной упорядоченности текстового фрагмента, нарушение формально-структурной формы сегментирования текста на отдельные структурно-семантические блоки. Нарушение композиционного единства в дезинтеграционных процессах вариативно: так, способ развития мысли может быть последовательным или параллельным, а вот логическое движение мысли – вертикальным. Таким образом, возможны следующие модификации разрушения композиционного единства. Последовательный способ развития мысли (показатели – единство видовременных форм), логическое движение мысли – вертикальное (показатели – смена типа повествования, создание двуплановости через включения новой микротемы / микротем). Параллельный способ развития мысли (показатели – разные видовременные формы и / или смена типа повествователя), логическое движение мысли – вертикальное (показатели – видовременные формы и тип повествования, создание двуплановости через включения новой микротемы / микротем, связанных между собой за счет ассоциаций, взаимодействия внутритекстовых элементов и внетекстовой сферы).

На уровне семантики возникает двуплановость повествования, проявляющаяся в наличии внутреннего образного и внешнего предметного планов, несовпадение времени повествования и времени события [8]. При нарушении семантического единства наблюдаем в одном из компонентов процесса появление новой микротемы, которая включена в текстовый фрагмент в результате желания автора пояснить, уточнить, подытожить сказанное ранее. Новая микротема может являться следствием устранения так называемых смысловых скважин (по терминологии Н.И. Жинкина), которые становятся «показателем зоны непонимания» [9] между автором и реципиентом. Уверенность автора в отсутствии фоновых знаний читателя, определенного опыта, стремление автора к точному пониманию текста приводят к трансформации смыслового уровня текстового фрагмента, появлению двуплановости.

Таким образом, нарушение структурно-семантического единства проявляется в разъединении компонентов синтаксического процесса, показателями которого становятся разные хронологические пространства компонентов процесса, смена типа повествования, нарушение композиции текстового фрагмента; на семантическом уровне у каждого компонента процесса (и при последовательном, и при параллельном взаимодействии компонентов) наблюдается своя микротема, появляется двуплановость, нарушается логическое следование.

Нарушения структурно-семантического единства комплексно реализуются в каждом дезинтеграционном процессе: наблюдается модификация структурных характеристик на фоне семантической двуплановости и нарушения причинно-следственных связей, что, в первую очередь, связываем с особенностями конкретного дезинтеграционного процесса.

Появление в тексте **абзаца** традиционно связывается с переходом автора к новой мысли. Структурные особенности процесса абзацного членения могут иметь следующие модификации: единство временного плана / сосуществование разных временных планов (прошлое ↔ настоящее), единый тип повествования / изменение типа повествования (повествователь ↔ рассказчик), композиционное строение усиливает экспрессивную и динамическую организацию текста. Нарушение семантического единства абзацного членения проявляется в наличии двух и более микротем в компонентах процесса, изображения разных предметов реальной действительности.

Рассмотрим структурно-семантические модификации процесса абзацного членения:

Он по-прежнему пил и не пьянел, и по-прежнему уговаривал Лейлу пожениться. Мать уехала, строго-настроено наказав дочери с Васгеном не связываться. К тому же они поспорили из-за Сарьяна. Мама сказала, что он хороший живописец, но плохой рисовальщик. С последним Васген никак не хотел соглашаться.

«А у тебя рыжие веснушки, какие и должны быть у рыжего солнца» (А. Омар «Васген»).

Абзацы отнесены к разным временным планам – план прошлого (1-й абзац: прошедшее время глаголов) и план настоящего (2-й абзац: временные формы, использованные в прямой речи, участвуют в моделировании настоящего действующих лиц, их «сейчас», «теперь» [10]); события первого абзаца подаются с позиции повествователя, события второго абзаца – с позиции героя; развитие ситуации – вертикальное, показателем вертикального движения мысли на структурном уровне становится изменение темпоральных характеристик. На семантическом уровне выделяем две микротемы: микротема первого абзаца – действия Васгена, микротема второго абзаца – лирическое описание Лейлы.

Нарушение структурно-семантического единства может происходить и при сохранении единых хронологических рамок во фрагменте текста:

На исходе дня двое вернулись с несколькими картофелинами и куском жмыха в кармане.

Христьян был мертв. Рядом гуртились вороны.

Обложили его камнями, засыпали листьями, хворостом, жухлой травой.

Шел 1944 год. Христьяну было 31.

Я звал его еще до войны, он был очень похож на отца: высокий, поджарый, длинноносый, белобрысый. Сохранилась фотография, на которой мы трое запечатлены на траве в летнюю пору за околицей Мангейма (Г. Бельгер «Умер по дороге домой»).

Фрагмент текста отнесен к плану прошлого, однако смена повествования (первые четыре абзаца показаны с позиции повествователя, последний абзац с

позиции рассказчика) на структурном уровне становится показателем вертикального движения мысли. На семантическом – выделяем две микротемы: первая микротема (1–4-й абзацы) рассказывает о смерти Христьяна, вторая микротема – воспоминания рассказчика о Христьяне.

При **парцелляции** нарушение структурно-семантического единства проявляется в структурной и семантической неполноте парцеллята. Структурные модификации процесса отсутствуют, поскольку базовый компонент и парцеллят сохраняют грамматическую связь, которая подтверждается «проверочной» депарцелляцией, при синтаксической самостоятельности компонентов процесса. Композиционно парцелляция проявляется значимым делением на базовый компонент и парцеллят при неизменной постпозиции парцеллята. Нарушение смыслового единства в процессе парцелляции связано с появлением в парцелляте добавочного смыслового значения (уточнения, конкретизации, описание состояния героя, его внешности, детализация значимых для автора моментов). Семантически парцеллят неполнозначен без базового компонента, это «фрагмент новой мысли, возникшей в рамках основного высказывания» [11. С. 32], обладающий дополнительными смыслами.

Базовый компонент и парцеллят представляют собой формально завершённые предложения, характеризующиеся прерывистым ритмом (избыточной паузой) и интонацией пояснения, реализуемой в парцелляте; на письме этому соответствует знак точки [12]. Однако с точки зрения структуры парцеллят не способен функционировать в речи самостоятельно [13. С. 70]: *Объектив фотокамеры выхватил только младенца. И руки, купающие его...* (У. Тажикинова «Остановись, мгновенье!»). На структурном уровне парцеллят не обладает предикативностью, следовательно, невозможно определить его положение на временной плоскости, тип повествования, предположительно, – позиция повествователя. При этом базовый компонент отнесен к плану прошлого (*выхватил*), тип повествования – от 3-го лица (позиция повествователя). На семантическом уровне парцеллят создает иллюзию «стоп-кадра», когда намеренно подчеркивается фрагмент действительности [14] – сначала появилось фото младенца, а затем рук, которые его купали.

При дистантном расположении компонентов процесса парцелляции структурная и семантическая неполнота парцеллята сохраняется: *А я не приемлю легкомысленного отношения к жизни, ибо жизнь – при всей ее хрупкости – священный дар. Ну, а при слове «дар» мгновенно стучится в сознание Пушкин. Легко, изящно, бесстрашно* (Г. Бельгер «Сердце, сердце, что случилось?»). Парцеллят не обладает предикативностью, базовый компонент соотносится с настоящим временем (стучится), тип повествования от 1-го лица (позиция рассказчика). Семантически автор акцентирует внимание на парцелляте, определяет его «как гравитационный центр мысли, который не является при этом синтаксически законченной конструкцией» [15], смысловая значимая часть высказывания приходится на парцеллят.

Вставка традиционно рассматривается в русле исследований, связанных с расчленением художественного текста, и имеет следующие структурные модификации: единый тип повествования / разный тип повествования, хронологическое единство / отсутствие хронологического единства, в композиционном плане способ развития мысли – параллельный, логическое движение мысли – вертикальное. На семантическом уровне наблюдаем появление новой микротемы во вставном компоненте. Рассмотрим структурные модификации вставки: *Вечером в управлении «Алтай-энерго» в конференц-холле заседание Клуба книголюб-ов. Краевед Станислав Евгеньевич Черных подготовил доклад о творчестве нашего земляка Горбачёва. (По прошествии лет я напишу об этом писателе-земляке главу в сборник «Литература ВКО»)* (В. Минаев «Страницы жизни»).

Вставной и включающий компоненты имеют единый тип повествования (рассказчик – 1-е лицо, показатели – жанр автобиографии, характерное для всего произведения в целом, местоимение «я» во вставном компоненте); наблюдается «временной сдвиг»: включающий компонент отнесен к плану прошлого, вставной – к плану будущего; композиция представлена параллельным развитием мысли автора: *С.Е. Черных → глава в сборнике*, движение мысли вертикальное, ассоциативное. Семантически фрагмент включает в себя две микротемы: первая – заседание клуба книголюб-ов, вторая – глава в сборник.

Двуплановость повествования наблюдается в том случае, когда повествующий представляет читателю большой объем информации и при этом поясняет, добавляет что-либо в уже выстроенный текст. По мнению Е.А. Иванчиковой, вставки заставляют удерживать в памяти две или больше линий мысли и способны вызвать впечатление внутренней напряженности [16]: *Среди частых гостей я побаивался, а значит, уважал больше всех Кайнекей-ага; он мало говорил, но всегда веско и остроумно (позже, когда мы жили у него на квартире, я близко познакомился с его уникальной, редкостной библиотекой); рокошущие оглушал Хаман, а Сыракен (огромный и телом и душой) и Касым-ага (рядом они смотрелись как Давид и Голиаф, но надо сказать, Касым-ага был профессиональным борцом) – с их детьми мы росли вместе – норовили стиснуть меня своими сильными руками. Помню лучезарную чету Узденбаевых, задиристого дядю Муху, смешливым и добрым остался в моей памяти Шамиль Мухамеджанов («Хан Шамиль» в шутку звал его отец), застенчиво молодыми помню любимчиков отца – Тумаши и Саги* (Б. Каирбеков «Путь воды»). Включающие компоненты текстового фрагмента – рассказ о частых гостях отца. Вставные компоненты вводят дополнительную информацию, благодаря которой рассказчик пытается ближе познакомить читателя со знакомыми для него людьми. Первый вставной компонент (*позже, когда мы жили...*) меняет композицию текстового фрагмента с рассказа о Кайнекее-ага на воспоминания о библиотеке, о которой рассказчик узнал позже (на это указывает и наречие, помещенное во вставной компонент). Второй (*огромный и телом и душой*) и третий

(рядом они смотрелись...) – дают внешнюю характеристику Сыракену и Касым-ага, из вставного компонента читатель узнает о роде занятий одного из героев. Четвертый вставной компонент (с их детьми...) вводит информацию о наличии детей у названных лиц и позволяет сделать вывод, что эти дети ровесники рассказчика. Пятая вставка («Хан Шамиль») – это прямая речь отца рассказчика. Если убрать вставные компоненты из включающих, то получаем следующее линейное повествование: *Среди частых гостей я побаивался, а значит, уважал больше всех Кайнекей-ага; он мало говорил, но всегда веско и остроумно; рокоцуше оглушал Хаман, а Сыракен и Касым-ага норовили стиснуть меня своими сильными руками. Помню лучезарную чету Узденбаевых, задиристого дядю Муху, смешливым и добрым остался в моей памяти Шамиль Мухамеджанов, застенчиво молодыми помню любимчиков отца – Тумаши и Саги.* Двуплановость повествования исчезла.

Синтаксическая импликация «не имеет синтаксических показателей, равных по своему механизму вставке, парцелляции, абзацному членению» [17. С. 150], в связи с чем структурные модификации процесса отсутствуют. Однако, несмотря на отсутствие структурных показателей, выделенное нами основание позволяет отнести синтаксическую импликацию к дезинтеграционному процессу: синтаксическая импликация проявляется на уровне текста и его протекание обеспечивается нерегламентированными знаками препинания, вследствие этого расчленение компонентов процесса происходит на смысловом уровне (подробнее в исследованиях Н.С. Валгиной, Ф.Т. Гришко, А.И. Ефимова, Е.А. Иванчиковой, О.В. Марьиной и др.): *Окна смотрят на юг. Далеко виден город. Взгляд ищет зацепки, знакомых из книг деталей.* (У. Тажикинова «Наши в старом свете»). Предшествующий компонент (*Взгляд ищет зацепки*) разделен с последующим компонентом (*знакомых из книг деталей*) нерегламентированным знаком препинания – запятой (вместо отсутствия знака препинания). Структурная связь компонентов последовательная, на смысловом уровне появляется двуплановость: микротема предшествующего компонента связана с тематической группой «смотреть» (смотрят, виден, взгляд), микротема последующего компонента – знакомые детали из книг, на которых повествователь акцентирует внимание читателя. Особенность синтаксической импликации состоит в том, что нерегламентированные знаки препинания позволяют «расчленять» текст «без грамматического, пунктуационного на то указания» [4. С. 199].

Таким образом, несмотря на возможные модификации нарушения структурно-семантического единства между компонентами синтаксических процессов, данное основание позволяет говорить о разрыве, разъединении компонентов абзацкого членения, парцелляции, вставки, синтаксической импликации, прерыванием их структурно-семантических связей, нарушении линейного повествования. Отсутствие семантического единства проявляется в появлении новых (добавочных) микротем, наличии двуплановости и характерно для всех дезинтеграционных процес-

сов. Структурное нарушение связываем с темпоральными характеристиками компонентов процесса, типом повествования. Взаимодействие компонентов абзацкого членения и вставки приводит к изменению /не изменению хронологии компонентов на синтагматической оси, при парцелляции и синтаксической импликации временные рамки компонентов не изменяются. Направленность парцелляции на моноличность (один тип повествования) обуславливает один тип повествования в базовом компоненте и парцелляте; абзацное членение и вставка могут быть диалогичными (изменение типа повествования) или моноличными; синтаксическая импликация не обладает возможностью изменения типа повествования. Композиционное единство фрагмента «разрушается» в абзацном членении, парцелляции, вставке, синтаксической импликации за счет сегментирования компонентов процессов на структурно-смысловые / смысловые блоки.

Итак, нарушение структурно-семантического единства приводит к разъединению текста на семантическом и / или структурном уровнях. При изменении композиционной структуры меняется вектор логического движения мысли: отделенная часть (абзац, парцеллят, вставной компонент, последующий компонент) получают свое, отличное от базовой части, смысловое наполнение, которое способствует появлению двуплановости повествования.

2. Отсутствие формальных показателей связи между компонентами синтаксического процесса. Связь компонентов синтаксических процессов обуславливают формальные показатели связности – соответствующие языковые единицы, передающие смысловую и структурную целостность. Отсутствие формальных показателей связи может свидетельствовать о разрыве смысловой и структурной связи между компонентами процесса.

К формальным показателям связи относим лексические (лексические повторы, слова-заместители), морфологические (однотипность / разнородность видовременных форм, сохранение / изменение морфологических категорий слов, входящих в компоненты процесса, местоименные слова), синтаксические (синтаксический параллелизм, сочинительные и подчинительные союзы, союзные слова, интонация), стилистические (стилизация речи героев, стилизация вопросно-ответной формы в процессе конструирования чужой речи), которые все сразу или выборочно «выключены» из структурного взаимодействия компонентов. Вследствие этого формальные показатели связности компонентов отходят на второй план, компоненты дезинтеграционного процесса приобретают структурную и/или семантическую автономность.

Значимым для дезинтеграционных процессов становится «видимый разрыв» между компонентами процессов. На стыке компонентов появляется интонация конца предложения (абзацное членение, парцелляция), особая интонация вставочности (вставка), которая «не зависит ни от структурного типа вставки, ни от ее позиции в пределах основного высказывания, ни от способа ее включения в контекст» [18. С. 58], нерегламентированные знаки препинания (синтаксическая импликация) способны передать тончайшие смысловые и эмоцио-

нальные оттенки высказывания [19]. При абзацном членении таким визуальным разрывом становится абзацный отступ, при парцелляции – точка, при вставке – скобки / двойное тире, при синтаксической импликации – нерегламентированный знак препинания.

Отсутствие формальных показателей связи между компонентами процесса реализуется по-разному: наблюдаем модификации данного основания в зависимости от особенностей конкретного дезинтеграционного процесса при сознательном исключении замыслом автора межфразовой связи из структуры текстового фрагмента.

Отсутствие формальных показателей связи процесса **абзацкого членения** может иметь следующие модификации: отсутствие лексических, морфологических, синтаксических, стилистических показателей; отсутствие лексических, синтаксических, стилистических показателей при сохранении морфологических показателей (однотипность видовременных форм); отсутствие морфологических, синтаксических, стилистических показателей при наличии лексических; отсутствие морфологических, синтаксических показателей при наличии лексических и морфологических.

Рассмотрим модификации отсутствия формальных показателей связи процесса абзацкого членения:

(1) *Может, она уже стала для него туркменкой?*

(2) *После распада сельджукской династии и угасания Мерва, центр науки и культуры переместился в Гургандж* (У. Тажикинова «Очищение»).

Компоненты абзацкого членения не включают в себя лексические (нет слов-заместителей и лексических повторов), синтаксические (отсутствуют союзы, союзные слова), стилистические (нет стилизации речи героев, конструирования чужой речи) показатели. Формально видовременные формы глаголов совпадают (прошедшее время), однако указание времени второго абзаца (*распад сельджукской династии* – начало XII в.) позволяет говорить и об отсутствии морфологических показателей связи между компонентами процесса.

При отсутствии лексических, синтаксических и стилистических показателей связи компоненты абзацкого членения разъединяются на уровне семантики:

(1) *Перед сном иду на улицу. Небо словно остеклено. Тускло мерцают редкие звезды. Круто изогнулись рога месяца. Кажется, к морозу. Снег взжигивает под ногами.*

(2) *Дважды моргает лампочка в окне. Значит, через минуту-другую умолкнет и совхозный движок, и все погрузится во мрак* (Г. Бельгер «Аул в снегу»).

Между компонентами абзацкого членения отсутствуют лексические, синтаксические и стилистические показатели связи, при этом морфологические показатели (единство видовременных форм – глаголы настоящего времени) «помещают» изображаемые события в одну хронологическую плоскость.

Отсутствие синтаксических и стилистических показателей при наличии лексических и / или морфологических влияет на появление в условно втором абзаце добавочного смысла:

(1) *Из отпуска он на работу не вышел, прислал по почте заявление об уходе. На звонки не отвечал и двери не открывал.*

(2) *Ему было стыдно* (Б. Каирбеков «История четвертая. Человек и змея»).

Второй абзац объясняет причину того, что происходит в первом, его смысл.

Итак, полное или частичное отсутствие формальных показателей связи при абзацном членении приводит к автономии компонентов процесса на структурном и семантическом уровнях. Показателем визуального разрыва компонентов процесса становится абзацный отступ.

Парцелляция разрывает, главным образом, синтагматические связи базового компонента и парцеллята, где этот «разрыв» подчеркивается точкой на пунктуационном и интонационном планах. Модификация основания «отсутствие формальных показателей связи» зависит от того, предусмотрены ли указанные показатели структурой исходного (не парцеллированного) предложения. Нами выделены следующие модификации: отсутствие лексических, морфологических, синтаксических, стилистических показателей; отсутствие лексических, синтаксических, стилистических показателей при сохранении морфологических показателей; отсутствие лексических, стилистических показателей при наличии синтаксических и / или морфологических показателей.

Рассмотрим выделенные модификации: *А может, он что-то почувствовал. Недоброе* (А. Омар «У дороги»). Отсутствуют лексические показатели (повторы, слова-заместители), морфологические (отсутствие в парцелляте форм глаголов не позволяет определить их временную отнесенность, отсутствуют местоименные слова), синтаксические (отсутствуют синтаксический параллелизм, сочинительные и подчинительные союзы, союзные слова), стилистические (парцеллят не представляет стилизацию речи героев и не является несобственно-прямой речью).

При появлении в тексте нескольких парцеллятов возможна модификация, сохраняющая синтаксический показатель: *Да, он устал. Не от жизни. Не от слабости или хворостей. От ощущения своей ненужности* (Г. Бельгер «Между жизнью и смертью»). Отсутствуют лексические, морфологические, стилистические показатели, однако наблюдаем синтаксический параллелизм первого и второго парцеллятов (*Не от жизни. Не от слабости или хворостей*), что обусловлено спецификой парцеллирования однородных членов предложения.

Особой зоной разделения смысловых составляющих парцеллированной конструкции могут стать союзные средства, предусмотренные структурой исходного предложения [11. С. 33]: *Она еще проводит руками по металлическим гранкам. И уходит, попрощавшись с нами обоими* (А. Омар «Анна и «Либерти»»). Отсутствуют лексические и стилистические показатели. Наблюдаем морфологический показатель (единство видовременных форм базового компонента и парцеллята) и синтаксический показатель (союз «и»).

Итак, отсутствие лексических и стилистических показателей связи сигнализирует о разрыве базового компонента и парцеллята и на семантическом уровне перераспределяет и / или корректирует фокус вни-

мания реципиента с базового компонента на парцеллянт [13. С. 196]; отсутствие морфологических и синтаксических показателей связи разрывает структуру исходного предложения, что визуально подчеркивается замкнутыми графическими границами (точкой в конце базового компонента и заглавной буквы парцеллянта в начале предложения) и интонацией конца предложения.

Отсутствие формальных показателей во **вставке** свидетельствует об автономии вставного и включающего компонентов в структурном и семантическом планах. Нами выделены следующие модификации данного основания: отсутствуют лексические, морфологические, синтаксические, стилистические показатели; отсутствуют лексические, синтаксические, стилистические показатели при наличии морфологических (единство видовременных форм).

Вставной и включающий компоненты не содержат формальных показателей, в этом случае вставной компонент может иметь отличную от включающего компонента микротему: *Она считает себя последовательницей американской поэтессы Эмили Дикинсон. «Дикинсон научила меня самосохранению всего того, что передано мне мамой (живая мысль! живое чувство!) и совершенно не вписывается в наш рыночный век, но человек рождается не для рынка, а для небес»* (Б. Канапьянов «Кофе-брейк»). Вставной компонент не имеет формальных показателей связи с включающим компонентом – это комментарий автора на слова героини.

Отсутствие формальных показателей связи вставного и включающего компонентов актуализирует важную для автора информацию, ставит смысловое наполнение вставки в иную плоскость, чем все повествование: *И главное: большинство из них – о Аллах, о майн Готт! – жаждет возвратиться в свой исторический фатерланд* (Г. Бельгер «Байсунская, 59»).

Вставной и включающий компоненты могут не иметь формальных показателей связности за исключением морфологических – частичное совпадение видовременных форм глаголов: *Поставила на землю пакет (опять не подмели эти дворники-сорьлар, вокруг все заплевано, а ведь деньги исправно берут), оглянулась кругом, постояла, чтоб отдышаться* (У. Тажикинова «Ось существования (роман-пунктир»)). Вставной и включающий компоненты не содержат лексических, синтаксических, стилистических показателей; включающий компонент отнесен в план прошлого (поставила, постояла), включающий – в план прошлого (не подмели) и настоящего (берут).

Таким образом, отсутствие формальных показателей связи во вставном компоненте с внешним, включающим компонентом, становится основанием для отнесения вставки к дезинтеграционному процессу. В этом случае вставной компонент не может быть включен (при элиминации знаков препинания при вставке) в структуру включающего компонента.

При **синтаксической импликации** формальные показатели отсутствуют, если нерегламентированный знак препинания ставится там, где формальные показатели не предусмотрены структурой предложения:

И эти самые блестяшки ему удалось запечатлеть на бумаге. Правда, не с первого раза: он извел почти полальбома для рисования, чтобы добиться того, чего задумал, а именно – полета этих самых блестяшек с ветвей сияющего черного дерева (Б. Канапьянов «Почтовый холст»). Нерегламентированное тире вместо двоеточия актуализирует последующий компонент, который, с позиции автора, имеет особую значимость.

В случае постановки нерегламентированного знака препинания в сложносочиненных / сложноподчиненных предложениях при разделении частей сложного предложения может быть формальный показатель: *Питаюсь лишь награбленным, он сообразил! – что так долго продолжаться не может и однажды все откроется, а в тюрьме, он слышал, кормили только куриным паштеймом* (Б. Каирбеков «История первая. Куриный город»). Нерегламентированные знаки препинания восклицательный знак и тире на место запятой интонационно выделяют слово «сообразил», формальный показатель сохраняется (подчинительный союз что).

Итак, отсутствие формальных показателей связи приводит к независимости, автономному существованию компонентов синтаксического процесса. Абзацное членение, вставка, парцелляция, синтаксическая импликация могут не иметь формальных показателей связи в своих компонентах либо отсутствие формальных показателей может быть реализовано в синтаксическом процессе частично; в любом случае наблюдается разъединение компонентов синтаксических процессов, т.е. дезинтеграция.

3. Использование шрифтовых маркеров. Основанием для рассмотрения дезинтеграционных процессов служит наличие в текстовом фрагменте, содержащем синтаксический процесс, шрифтовых маркеров: курсив, авторская отбивка, подчеркивание, нумерация, многоточие, восклицательный и вопросительный знаки, тире, скобки.

Шрифтовые маркеры (метаграфические средства по терминологии С.В. Лосевой [20], Ф.Р. Одековой [21]) – «это невербальные знаки, которые, как и вербальные, участвуют в смысловой организации текста» [21], и включают в себя абзацный отступ, шрифтовые выделения, нумерацию и маркеры, вставки (тире, скобки). А.А. Леонтьев относит к внелингвистическим маркерам пробелы, чередование строчных и прописных букв, а также шрифтовые выделения [22. С. 86]. Считаем, что включение внелингвистических маркеров в текст направлено на нарушение смыслового единства и единства текстовой формы [23], коррелирует с сущностью дезинтеграционных процессов: разрыв структурно-семантического единства, создание экспрессии текста, привлечение внимания читателя к его смысловой составляющей. Н.Л. Шубина отмечает: включение шрифтовых маркеров в текст способствует активизации «речемыслительной деятельности реципиента в процессе восприятия и интерпретации информации» [24. С. 183].

Каждый из анализируемых нами процессов уже имеет в своей основе четко определенный шрифтовой маркер. Для абзацного членения – это абзац:

(1) Раннее утро в Монтекатини Терме. С балкона второго этажа отеля просматривается вся небольшая площадь в обрамлении старинных домов. Напротив, чуть наискосок, на первом этаже – кафе с небольшой открытой верандой. Пол на веранде моет пожилой мужчина. Он тщательно выжимает тряпку и аккуратно, не торопясь, подтирает пол шваброй. Виде его несколько необычен для уборщика помещений: в белой рубашке, сером костюме.

(2) Седой. Элегантный (У. Тажикинова «Наши в старом свете»).

Подчеркнутая элегантность итальянского уборщика вынесена автором в новый абзац.

Визуальным маркером парцелляции становится точка между базовым компонентом и парцеллятом и заглавная буква первого слова парцеллята: ...И снится Марте один и тот же сон. **Без начала и конца** (Г. Бельгер «Рыжий Рысбек из аула Кастек»).

Вставной компонент всегда отграничивается от включающего компонента скобками, реже – двойным тире: Или (**в портрете Кыз-Жибек**): «В чести и славе она, всех величавей она. Даже с Лейли красотой соперничать вправе она» (А. Омар «Пространство и время в мифологии доисламских тюрков»); Как же могло случиться, что тысячи трудящихся из немцев Поволжья, которые с оружием в руках боролись с гитлеровцами, согласно сообщению ТАСС, через полтора месяца – **по словам Указа от 28 августа 1941 года** – обернулись пособниками фашизма?! (Г. Бельгер «Глухими зимними ночами...»).

При синтаксической импликации ставится нерегламентированный знак препинания, который становится визуальным разграничителем компонентов процесса: Да так много нарисовал, что – когда они все вдруг распахнулись, – сильный сквозняк случился (Б. Каирбеков «История третья. Жил человек»). Нерегламентированные знаки препинания – двойное тире вместо запятых – зрительно отграничивают предшествующий компонент от последующего.

Помимо шрифтовых маркеров процесса (абзаца, точки, нерегламентированного знака препинания) в дезинтеграционных процессах могут быть использованы маркеры, визуализирующие структуру текстового фрагмента, и маркеры, выделяющие значимую для автора информацию.

К маркерам визуализации структуры текста относим абзац-отбивку (по терминологии О.В. Марьиной) и нумерацию.

Абзац-отбивка представляет собой дополнительный пропуск строки между двумя абзацами. Появление абзац-отбивки может свидетельствовать о смене темы, времени действия, места действия, речевой партии [25]:

И вот все было кончено: ей сообщили, что он умер. Умер от болезни.

А может, и не было ничего этого, а просто жадные до слухов люди так все представили да расписали (У. Тажикинова «Доля»). Абзац-отбивка показывает смену темы: окончание «истории матери и сына» и предположение повествователя: а было ли это на самом деле.

Нумерация как маркер структуры текста используется в текстах научного характера и практически не встречается в текстах художественных:

Предложенные варианты разбивок отличаются грамматической и литературной недостаточностью.

Прежде всего грамматической.

1) В разбивке Мусина-Пушкина утрачено по крайней мере два сказуемых. Они «подразумеваются». Этот недостаток не устраняется и следующими «членителями».

2) Начинательный союз «и» в памятнике всегда употребляется перед глаголом. Н.М. Дылевский отметил этот пример как особый: «встречен только один случай с начинательным «и» не перед глаголом – «и с хитию на кровать» (О. Сулейменов «АЗИЯ»). Произведение О. Сулейменова «АЗИЯ» не является художественным произведением, размышляя о построении «Слова о полку Игореве», он использует нумерацию.

Достаточно широко представлены в современных художественных текстах маркеры, выделяющие информацию, имеющую для автора первостепенное значение. К ним мы относим все виды шрифтовых выделений (написание слова заглавными буквами, разрядкой, курсивом, жирным шрифтом, подчеркивание), разделение слова на слоги или морфемы с помощью дефиса, включение в один из компонентов процесса восклицательного, вопросительного знаков, тире, скобок, многоточия.

В тексте могут быть выделены слово или словосочетание: Двадцать три года и один день спустя Президиум Верховного Совета СССР Указом от 29 августа 1964 года постановил **ОТМЕНИТЬ** Указ 1941 года «в части, содержащей **огульные обвинения в отношении** немецкого населения, проживающего в районах Поволжья» (Г. Бельгер «Там, в долине»). Автор использует заглавные буквы в слове «ОТМЕНИТЬ», чем привлекает внимание читателя; шрифтовая разрядка **огульные обвинения в отношении** «заставляет» читателя остановиться взглядом на словосочетании, прочесть его медленнее, чем остальной текст.

Многоточие перед абзацным отступом, абзац-отбивка, выделение части текста курсивом могут сигнализировать о логическом и / или содержательном отступлении от того, о чем говорилось ранее:

На углу, напротив центрального входа в санаторий, каждое утро маленькая хрупкая старушка продает цветы. У нее тонкий, иконописный лик, так и просиявший на полотне, светящиеся большие глаза, добрая, мягкая улыбка. Красивая старость – успокоившаяся, умиротворенная, смиренная.

(1)

...В связи с началом оседлости в поселениях джейтунской культуры упоминаются хазарские племена...

(2)

...Середина 3 века до н.э., возникновение Парфянского государства, с центром-крепостью Ниса...

...224 год до н.э., Разгром Парфии персидскими царями, эпоха Сасанидов. <...>

...В низовьях Сырдарьи, неподалеку от станции Кармакшы, в Казахстане, находится самое достоверное, по мнению многих ученых, место захоронения великого мыслителя, жырау-сказителя, кобызи, күйши Коркут-ата, почитаемого во всем тюркском мире.

(3)

Черты лица этой старой женщины утонченные, благородные. У нее очень трогательная улыбка, да такая, что теплый свет ее проникает в душу собеседника <...> (У. Тажикинова «Очищение»).

Первый абзац-отбивка разделяет «современное повествование» и «историческое»; второй абзац-отбивка в сочетании с курсивом и начальным многоточием показывает «путешествие» повествователя по историческим эпохам; третий абзац-отбивка «возвращает» читателя в художественное пространство произведения. Многоточие и курсив становятся показателями ассоциативности, отрывочности передаваемых исторических сведений.

При вставке разрыв вставного и включающего компонентов усиливается при использовании маркеров, свидетельствующих о значимости информации для повествователя. Традиционные скобки, сочетание жирного шрифта и курсива, восклицательного знака может показывать отношение автора к прошлому: *Я похвалил Игоря за контакт с Ельциным (тогда он был нашим кумиром – увь!), сын обрадовался* (В. Минаев «Страницы жизни»). Ситуация показана с позиций «тогда» и «сейчас».

Вставка, оформленная в виде абзаца визуально разграничивает вставной и включающий компоненты:

И вот именно в эту пору подоспел срок вступить мне в ряды ленинского комсомола.

(Тут считаю нужным заметить в скобках: нет, нет, не желаю прослыть запоздалым козунником или ерничать почему зря. В моей жизни это

был волнительный этап. О том я сужу не только по памяти, но и по своему сохранившемуся школьному дневнику, в котором зафиксированы все подробности того события.) (Г. Бельгер «Кто такой Бо-И-БО?»).

Маркерами синтаксической импликации, в первую очередь, становятся нерегламентированные знаки препинания между предшествующим и последующим компонентами, которые могут быть усилены шрифтовыми выделениями: *Итак, в Начале было... море* (Б. Каирбеков «Песня на заре»). В предшествующем компоненте слово **Начало** дается с большой буквы, компоненты разделяет нерегламентированный знак препинания между подлежащим и сказуемым – многоточие, указывающий на необычность, алогизм (сравним: в начале было слово).

Итак, внелингвистические маркеры становятся равноправными участниками смысловой интерпретации текстового фрагмента. Анализ модификаций использования шрифтовых (внелингвистических) маркеров показал, что разъединение компонентов синтаксического процесса усиливается (на визуальном, структурном и смысловом уровнях), если вместе с внелингвистическим маркером конкретного процесса используется маркер семантического выделения и / или маркер структуры текста.

Таким образом, в ходе исследования были выделены основания, которые в отдельности друг от друга или во взаимодействии друг с другом позволяют отнести синтаксический процесс к дезинтеграционному: нарушение структурно-семантического единства, отсутствие формальных показателей, наличие шрифтовых (внелингвистических) маркеров. На наш взгляд, разработанные основания применимы для описания дезинтеграционных процессов в художественных текстах и текстах иной направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шулькис С.А. О формально-структурной дезинтеграции сложного предложения в устно-речевом потоке // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2005. Вып. 31. С. 95–103.
2. Харитонова Е.В. Тенденция к дистриктивности в синтаксисе современного русского языка (на материале прессы) // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. Т. I (Гуманитарные науки). С. 123–126.
3. Покровская Е.А. Русский синтаксис в XX веке. Ростов н/Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 2001. 435 с.
4. Марьина О.В. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в синтаксисе русской художественной прозы 1980-х – 2000-х гг. : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2012. 384 с.
5. Блохина Н.Г. Явления изоморфизма в парадигматических и синтагматических отношениях на разных лингвистических уровнях // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 3. С. 95–104.
6. Перфильева Н.П. Семантико-прагматические потенции вставок // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1994. С. 38–46.
7. Мальцева В.В. Полидискурсивность как преодоление линейности текста (на материале романа Е.Г. Водолазкина «Лавр»). URL: <http://oaji.net/articles/2017/999-1496824963.pdf> (режим доступа свободный).
8. Валгина Н.С. Теория текста. М. : Логос, 2003. 173 с.
9. Богословская И.В. Объективность структуры текста и субъективность процесса понимания. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/007-02.pdf> (режим доступа свободный).
10. Тураева З.Я. Время художественное и время грамматическое : дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1974. 302 с.
11. Севрюгина Е.В. Присоединение-парцелляция // Наука и школа. 2012. № 5. С. 31–34.
12. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. Курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов н/Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 1994. 192 с.
13. Богоявленская Ю.В. Теория и методология сопоставительного когнитивно-семиотического корпусного исследования парцелляции во французских и русских печатных СМИ : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 502 с.
14. Петренко Т.Ф., Слепакова М.Б. Парцелляция в новеллах А. Сомон как проявление кинематографичности текста // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2007. № 3–4. С. 121–124.
15. Нашхоева М.Р. Парцелляция как средство создания экспрессивности текста. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/english/nashkheva.pdf (режим доступа свободный).
16. Иванчикова Е.А. О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху // Развитие синтаксиса современного русского языка. М. : Наука, 1966. С. 4–19.

17. Марьина О.В., Ткачева Н.К. Синтаксическая импликация как синтаксический процесс (на материале цикла стихотворений В. Павловой «Письма в соседнюю сторону: тысяча и одно признание в любви» // Педагогическое образование на Алтае. 2016. № 1. С. 149–151.
18. Златопольский Ю.М. Интонационная специфика вставных конструкций в русской речи // Филологические науки. 1980. № 4. С. 57–61.
19. Андросова Ф.С. Экспрессивное использование пунктуации в художественном тексте (на материале французского языка). URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/06/pdf/57.pdf> (режим доступа свободный).
20. Лосева С.В. Частицы в системе метатекстовых операторов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 23 с.
21. Одекова Ф.Р. О графических метатекстовых операторах русского языка. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2008_2-2_51.pdf (режим доступа свободный).
22. Марьина О.В. Дезинтеграционные процессы в синтаксисе художественной прозы 1980-х – 2000-х гг. Барнаул : АлтГПА, 2011. 185 с.
23. Вольская Н.Н. Маркеры интертекстуальности в креолизованном медиатексте. URL: <http://www.mediascope.ru/2361> (режим доступа свободный).
24. Шубина Н.Л. Невербальная сфера коммуникации в русском тексте // Язык. Функции. Жизнь : сб. ст. в честь проф. А.В. Бондарко. СПб., 2000. С. 180–194.
25. Марьина О.В., Кузнецова А.С. Виды абзацев в текстах русской прозы рубежа XX–XXI вв. // Культура и текст. 2018. № 3. С. 142–150.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 апреля 2020 г.

Bases of Disintegration Processes Allocation in Syntax

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 5–14.

DOI: 10.17223/15617793/463/1

Natalya N. Budnikova, Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan). E-mail: nbh177@mail.ru

Keywords: syntactic process; disintegration syntactic process; basis of disintegration syntactic process allocation; components of syntactic process; interaction of syntactic process components.

The article presents one of the possible options for a comprehensive analysis of disintegrating syntactic processes from the standpoint of a structural and semantic approach. This work continues the research of syntactic processes of disintegration laid down in the works of A. A. Chuvakin and O. V. Maryina. The aim of the study was to develop the basis for distinguishing disintegrating syntactic processes. To achieve this aim, observation, comparison, interpretation in the study of syntactic processes, and the method of contextual analysis in describing the interaction of components of syntactic processes were used. The research material was the texts of representatives of modern Russian-language Kazakh prose: G. Belger, B. Kairbekov, B. Kanapyanov, V. Minaev, A. Omar, O. Suleymenov, U. Tazhikenova, created in the late 20th and early 21st centuries, from which the units of analysis were selected by the method of continuous sampling. Disintegration as a syntactic process is the process of separating components of syntactic processes or syntactic processes themselves. The article examines the following disintegration processes: paragraph division, insertion, parceling, and syntactic implication. The author has developed the following grounds for classifying the syntactic process as a disintegrative one: 1. Violation of structural and semantic unity, which is comprehensively implemented in each disintegration process: there is a modification of structural characteristics against the background of semantic duplicity and violation of cause-and-effect relationships, which is associated with the features of a particular disintegration process. 2. Absence of formal indicators of syntactic relations between components of the process/syntactic processes indicates rupture of the semantic and structural links between the components of the process leading to independence and autonomous existence of the components of the syntactic process. 3. Use of font (non-linguistic) markers: font highlighting, italics, author's selection, underscores, numbering, ellipsis, exclamation and question marks, dashes, brackets. The analysis of the use of font markers has shown that the separation of components of the syntactic process is enhanced (at the visual, structural and semantic levels) if the semantic selection marker and/or the text structure marker are used together with the non-linguistic marker of a particular process. In the course of the study, the author has identified the grounds that, separately from each other or in interaction with each other, allow attributing the syntactic process to a disintegrative one: violation of structural and semantic unity, lack of formal indicators, and presence of font (non-linguistic) markers. In the author's opinion, the developed grounds are applicable to the description of disintegration processes in literary texts and texts of a different orientation.

REFERENCES

1. Shul'kis, S.A. (2005) O formal'no-strukturnoy dezintegratsii slozhnogo predlozheniya v ustno-rechevom potoke [On the formal-structural disintegration of a complex sentence in the oral speech flow]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Vol. 31. Moscow: MAKSS Press. pp. 95–103.
2. Kharitonova, E.V. (2013) Tendentsiya k distinktnosti v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka (na materiale pressy) [The tendency towards distinction in the syntax of the modern Russian language (based on the material of the press)]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslav Pedagogical Bulletin*. 3 (1). pp. 123–126.
3. Pokrovskaya, E.A. (2001) *Russkiy sintaksis v XX veke* [Russian syntax in the twentieth century]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
4. Mar'ina, O.V. (2012) *Integratsionnye i dezintegratsionnye protsessy v sintaksise russkoy khudozhestvennoy prozy 1980-kh – 2000-kh gg.* [Integration and disintegration processes in the syntax of the Russian literary prose of the 1980s–2000s]. Philology Dr. Diss. Barnaul.
5. Blokhina, N.G. (2004) Yavleniya izomorfizma v paradigmatskikh i sintagmatskikh otnosheniyakh na raznykh lingvisticheskikh urovnyakh [Phenomena of isomorphism in paradigmatic and syntagmatic relations at different linguistic levels]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*. 3. pp. 95–104.
6. Perfil'eva, N.P. (1994) Semantiko-pragmatscheskie potentsii vstavok [Semantic and pragmatic potential of insertions]. In: *Yazykovaya lichnost': problema vybora i interpretatsii znaka v tekste* [Language personality: the problem of choice and interpretation of the sign in the text]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 38–46.
7. Mal'tseva, V.V. (2017) *Polidiskursivnost' kak preodolenie lineynosti teksta (na materiale romana E.G. Vodolazkina "Lavru")* [Polydiscursiveness as the overcoming of text linearity (based on the novel "Laurel" by E.G. Vodolazkin)]. [Online] Available from: <http://oaji.net/articles/2017/999-1496824963.pdf>.
8. Valgina, N.S. (2003) *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow: Logos.
9. Bogoslovskaya, I.V. (2010) *Ob'ektivnost' struktury teksta i sub'ektivnost' protsessa ponimaniya* [The objectivity of the structure of the text and the subjectivity of the process of understanding]. [Online] Available from: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/007-02.pdf>.
10. Turaeva, Z.Ya. (1974) *Vremya khudozhestvennoe i vremya grammaticheskoe* [Literary time and grammatical tense]. Philology Dr. Diss. Leningrad.

11. Severyugina, E.V. (2012) Prisoedinenie-partsellyatsiya [Joining-parceling]. *Nauka i shkola*. 5. pp. 31–34.
12. Khazagerov, T.G. & Shirina, L.S. (1994) *Obshchaya ritorika. Kurs lektsiy i slovar' ritoricheskikh figur* [General rhetoric. A course of lectures and a dictionary of rhetorical figures]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
13. Bogoyavlenskaya, Yu.V. (2016) *Teoriya i metodologiya sopostavitel'nogo kognitivno-semioticheskogo korpusnogo issledovaniya partsellyatsii vo frantsuzskikh i russkikh pechatnykh SMI* [Theory and methodology of a comparative cognitive-semiotic corpus study of parceling in the French and Russian print media]. Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
14. Petrenko, T.F. & Slepakova, M.B. (2007) Partsellyatsiya v novellakh A. Somon kak proyavlenie kinematografichnosti teksta [Parceling in A. Somon's novels as a manifestation of the cinematic nature of the text]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 3–4. pp. 121–124.
15. Nashkhoeva, M.R. (2009) *Partsellyatsiya kak sredstvo sozdaniya ekspressivnosti teksta* [Parceling as a means of creating expressiveness of the text]. [Online] Available from: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/english/nashkhoeva.pdf.
16. Ivanchikova, E.A. (1966) O razvitií sintaksisa russkogo yazyka v sovetskuyu epokhu [On the development of the syntax of the Russian language in the Soviet era]. In: Pospelov, N.S. & Ivanchikova, E.A. (eds) *Razvitie sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Development of the syntax of the modern Russian language]. Moscow: Nauka. pp. 4–19.
17. Mar'ina, O.V. & Tkacheva, N.K. (2016) Sintaksicheskaya implikatsiya kak sintaksicheskii protsess (na materiale tsikla stikhotvoreniy V. Pavlovoy "Pis'ma v sosednyuyu storonu: tysyacha i odno priznanie v lyubvi") [Syntactic implication as a syntactic process (based on the cycle of poems "Letters to the neighboring side: a thousand and one declaration of love" by V. Pavlova)]. *Pedagogicheskoe obrazovanie na Altai*. 1. pp. 149–151.
18. Zlatopol'skiy, Yu.M. (1980) Intonatsionnaya spetsifika vstavnykh konstruktsey v russkoy rechi [Intonation specificity of inserted constructions in Russian speech]. *Filologicheskie nauki*. 4. pp. 57–61.
19. Androsova, F.S. (2011) *Ekspressivnoe ispol'zovanie punktuatsii v khudozhestvennom tekste (na materiale frantsuzskogo yazyka)* [Expressive use of punctuation in the literary text (based on the material of the French language)]. [Online] Available from: <http://ej.kubagro.ru/2011/06/pdf/57.pdf>.
20. Loseva, S.V. (2004) *Chastitsy v sisteme metatekstovykh operatorov* [Particles in the system of metatext operators]. Abstract of Philology Cand. Diss. Vladivostok.
21. Odekova, F.R. (2008) *O graficheskikh metatekstovykh operatorakh russkogo yazyka* [On Russian graphic metatext operators]. [Online] Available from: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2008_2-2_51.pdf.
22. Mar'ina, O.V. (2011) *Dezintegratsionnye protsessy v sintaksise khudozhestvennoy prozy 1980-kh – 2000-kh gg.* [Disintegration processes in the syntax of the fictional prose of the 1980s–2000s]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy.
23. Vol'skaya, N.N. (2017) Markers of Intertextuality in a Creolized Media Text. *Mediascope*. 3. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2361>. (In Russian).
24. Shubina, N.L. (2000) Neverbal'naya sfera kommunikatsii v russkom tekste [Non-verbal sphere of communication in the Russian text]. In: *Yazyk. Funktsii. Zhizn': sb. st. v chest' prof. A.V. Bondarko* [Language. Functions. Life: Collection of articles in honor of Prof. A.V. Bondarko]. St. Petersburg. pp. 180–194.
25. Mar'ina, O.V. & Kuznetsova, A.S. (2018) Vidy abzatsev v tekstakh russkoy prozy rubezha XX–XXI vv. [Types of paragraphs in the texts of the Russian prose at the turn of the 21st century]. *Kul'tura i tekst – Culture and Text*. 3. pp. 142–150.

Received: 18 April 2020